

Otium post negotium?*

Г.В. Иванченко

доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии государственного университета
«Высшая школа экономики»

Ю.В. Рыжов

кандидат технических наук,
доцент Таганрогского государственного педагогического университета

В развернутой рецензии на книгу Н.А. Хренова «Человек играющий» в русской культуре» проведен подробный анализ книги, выделены наиболее интересные моменты. Автор книги отождествляет игру и досуг. Досуг представляется в свете двух противоположных тенденций – духовной (культурной) и материальной (цивилизованной). Досуг рассматривается как особый культурный феномен, имеющий свою историю, определенные социокультурные функции. Цель досуговой деятельности – развитие человеческой личности. При этом досуг обеспечивает человеку условия для свободы. Культурные функции досуга проанализированы на примере российского дворянства XVIII–XIX вв. Проведен также анализ современного досуга. Показано, что современная культура возвращается к архаичным игровым формам, характерным для культуры до Нового времени. Н.А. Хреновым описаны процессы институализации досуговых ценностей. Авторы рецензии не только излагают позицию Н.А. Хренова, но и полемизуют с ним.

Ключевые слова: культура, цивилизация, досуг, игра, русское дворянство, свобода личности.

Одному из авторов этой рецензии довелось услышать такой отзыв о новой книге Николая Андреевича Хренова: «Хорошая книга, но тяжелая». В данном случае имелся в виду именно вес книги – все-таки 600 страниц на хорошей бумаге, да в твердом переплете... Подспудно ожидалось, что при чтении такого солидного труда придется столкнуться и с иной «тяжестью» – пробираться сквозь дебри терминов и имен, безуспешно пытаясь догнать очередную мысль автора. А тревожная ярко-оранжевая обложка, оформленная в авангардистском стиле, ощущения легкости также не вызывала.

К счастью, первое впечатление оказалось обманчивым: чтение «Человека играющего» – увлекательное занятие. Этому способствует не только сама тема книги, но и безупречность стиля автора, а также его несомненная эрудиция: феномен игры рассматривается с привлечением множества примеров от архаической Греции до современной России. Но по порядку.

Книга Н.А. Хренова имеет четкую структуру и состоит из четырех глав, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на множество пунктов. В первой главе – «Досуг как проблема культуры» – описаны теоретико-методологические основания анализа феномена игры и досуга. Во второй –

«Дворянская культура: в поисках архетипа досугового поведения» – подробно рассматриваются отдельные аспекты культуры российского дворянства XVIII–XIX вв. Третья глава – «Институционализация досуговых ценностей» – посвящена описанию особенностей социокультурных институтов, участвующих в формировании картины мира дворянской субкультуры. Наконец, четвертая глава – «Досуг в городской субкультуре» – показывает связь процессов урбанизации и развития сферы досуга со второй половины XIX в. по сегодняшний день.

Нам не хотелось бы ограничиться пересказом «Человека играющего», поэтому постараемся выделить наиболее интересные, на наш взгляд, моменты книги.

Свою позицию Н.А. Хренов формулирует уже в первых строках: «...человек на досуге в этом исследовании и выступает “человеком играющим”» (с. 5). Другими словами, между игрой и досугом сознательно ставится знак равенства, точнее, игра предстает основным содержанием досуга, т. е. индивидуального времени, значимого для личности. С этим вполне можно согласиться, с той оговоркой, что граница между досугом и работой, между игровой и утилитарной деятельностью не всегда четко выражена (что подчеркивает и автор). Целью досуговой

* Делу – время, потехе – час. – *Прим. ред.*

** Рецензия на книгу: Хренов Н.А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб.: Алетейя, 2005.

деятельности является развитие человеческой личности, осуществляющееся в условиях свободы, в игре человек самораскрывается. Но и это не всё: «наличие досуга – предпосылка для развития не только личности, но и культуры в целом. Если в досуге каждая личность может найти и развить присущие ей уникальные способности, то и в культуре получают выражение все многообразные индивидуальные способности людей» (с. 21). Из этого следует, что культура и общество развиваются постольку, поскольку в них существует «человек играющий». Соответственно, авторитарные, «закрытые» общества (в которых не находится место ни личности, ни досугу) обречены на стагнацию и распад. Так ли это? Автор склоняется именно к этой точке зрения – история «бездосуговых» обществ, от Спарты до Советского Союза, кажется, это подтверждает. Но, на наш взгляд, такая точка зрения выглядит несколько упрощенной, прежде всего потому, что почти все известные нам из истории общества были «закрытыми», большинство их членов не обладали досугом и вообще свободой (в современном понимании этого слова). Но существовали эти общества веками, если не тысячелетиями, и культура, как ни странно, тоже развивалась (хотя и не так динамично, как в «обществах досуга»). Праздники существовали и в традиционных обществах, но имели не досуговый, а социально-интегрирующий, даже ритуальный характер. Потребность человека в игре, о которой пишет автор, может удовлетворяться благодаря не только наличию досуга, но и тотальной сакрализации культуры.

Об этом пишет и Н.А. Хренов: «... на предшествующих этапах истории оппозиция праздничного и повседневного времени не является самостоятельной. Она зависит от противопоставления сакрального времени времени профанному, мирскому... На поздних этапах истории сакральную культуру сменяет культура досуга... Чем больше себя утверждает светская культура, тем большую ценность приобретает досуг» (с. 140 – 141). Из этого следует довольно неожиданный на первый взгляд вывод: секуляризацию можно трактовать не только как десакрализацию, «разволшебствление» мира, но и как перемещение сакральных ценностей и символов из общественной сферы в сферу частной жизни, т. е. того же досуга. Таким образом, современный «человек играющий» при всей своей кажущейся светскости в каком-то смысле является религиозным, точнее – находится в пространстве сакрального. При этом труд (понимавшийся в архаичных культурах как сакральный акт) становится досадной необходимостью, а по сути удаляется в пространство профанного. Происходит инверсия: сакрализуется индивидуализированный досуг и профанизируется работа, вообще общественно полезная деятельность. Знаменитая латинская поговорка «*Otium post negotium*» («Досуг после дела», «Делу – время, потехе – час») в современном мире становится менее актуальной. Досуг выдвигается

на первый план, именно в свободное время человек реализуется как личность. Но это свойственно не только современному периоду европейской истории: автор ссылается на А. Гуревича, показавшего, что поздняя античная культура не признавала достоинства физического труда, а сам термин «*negotium*» имел также значение «досада», «неприятность». Но благодаря христианству (особенно в его протестантской версии) труд вновь сакрализуется, что, кстати, приводит к крайнему развитию культы пользы и, соответственно, экономического мышления (с. 38). Продолжая мысль автора, можно заключить, что современные «трудоголики» – реликт исчезающей эпохи утилитаризма, «страшно далеки они от народа». Впрочем, в свое время далеки от народных масс были и праздные российские дворяне.

Дворянской культуре XVIII–XIX вв. Н.А. Хренов уделяет наибольшее внимание в своем исследовании. И это понятно – ведь именно дворяне были первой российской субкультурой, имевшей не только много свободного времени, но и возможностей это время потратить по своему усмотрению. В этом смысле «человек играющий» сегодняшнего дня унаследовал характерное для дворянства отношение к досугу, что делает эту проблему чрезвычайно актуальной.

Культура дворянства во многом была чуждой для носителей традиционной культуры (т. е. для большинства русского народа): дворяне говорили буквально на «чужом» языке, были по-другому одеты, занимались малопонятной для остальных деятельностью, наконец, думали по-другому. И хотя принято считать, что реформы Петра I были весьма поверхностными, по отношению к дворянству это не так. Большая часть дворян успешно интегрировалась в общеевропейский дворянский мир, но для этого пришлось отказаться от своей прежней культуры. При этом «...новые структуры культуры и государства вызывались к жизни в игровых формах, а носители новых институтов этот игровой характер нового духа жизни всячески подчеркивали, это означало утверждение духа критики допетровских или средневековых форм жизни. В России XVIII в. оппозиция игрового и серьезного приобрела характер столкновения двух культур» (с. 67–68). И хотя эта оппозиция никогда не была абсолютной (автор приводит множество примеров того, что российские дворяне не гнушались традиционными формами досуга), всё же дворянство по своей сути было космополитично.

Но если традиционную культуру «безмолвствующего большинства» дворяне могли игнорировать, то в XIX в. им пришлось столкнуться с зарождающейся буржуазной культурой, утилитарно ориентированной, т. е. противостояние между двумя культурами сменилось конфликтом между культурой и цивилизацией (автор придерживается популярного взгляда на соотношение культуры и цивилизации, согласно которому с культурой ассоциируются прежде всего духовные ценности, а с цивилизацией –

материальные, утилитарные). Этот конфликт завершился самым неожиданным для обеих сторон образом в 1917 г., последствия его всем нам хорошо известны. Впрочем, досуговые ценности со временем вновь оказались востребованными, хотя в совершенно ином культурном контексте.

Но вернемся к нашим дворянам. Очень интересный, на наш взгляд, момент заключается в эстетизации образа жизни дворянина. «До того как возникнет характерная для нашего времени ситуация, с ее разрывом между искусством и жизнью, когда искусством будут наслаждаться уже не непосредственно, в ходе самой жизни, а в отрыве от нее, в дворянской среде искусство и жизнь сольются, и сама жизнь приобретет эстетические измерения, игровое начало, станет игрой, превратится в спектакль, зрелище» (с. 167). Таким образом, дворянство – это не столько принадлежность к определенному сословию, сколько *modus vivendi*, образ жизни. Дворянин должен был полностью усвоить язык своей субкультуры, к которому относились все предполагаемые нормы индивидуального и общественного поведения: от одежды и книг до визитов и балов. Стало быть, «игра» (каковой являлась как публичная, так и частная жизнь дворянина) обладала сложнейшими правилами.

Эти «правила игры», однако, не имели этической окраски. Н.А. Хренов на ярких примерах показывает, как в среде дворянства развивались «жестокость, эгоизм, приверженность своему клану, агрессивность, коварство, обращение к силе, обману и хитрости... Дворянская элита создавалась в результате отбора и победы новых индивидуалистических ценностей над традиционными, коллективными и в конечном счете безличными... Поскольку дворянская среда демонстрировала праздничные формы поведения, для нее жестокость стала характерной уже не в праздничных, а в реальных формах» (с. 241–243). Ницшеанский идеал аристократа, оказывается, успешно воплощался в жизнь и в России. Выходит, что процесс индивидуализации приводит к раскрытию не только светлых, но и темных сторон личности (это же замечал Й. Хейзинга, описывая нравы позднесредневековой аристократии, и А. Лосев, отмечавший аморализм многих титанов Возрождения). И, по нашему мнению, автор здесь отчасти противоречит сам себе. Во-первых, если несдерживаемое индивидуальное начало приводит к бессмысленной жестокости, можем ли мы говорить об успешном развитии личности? При очевидной деградации в моральной сфере даже как-то неловко говорить о влиянии досуга на развитие духовных ценностей. Во-вторых, автор утверждает, что, в отличие от агрессивного и жестокого дворянства, «крестьяне представляли как раз наиболее архаический миролюбивый тип» (с. 242), но в то же время для архаического психологического типа характерны инстинкты соперничества и драчливости (с. 239). Последнее противоречие автор разрешает довольно

изящно: жестокость вообще присуща праздничному архетипу, и, соответственно, чем меньшую роль играет досуг в повседневной жизни, тем меньше в ней жестокости. Крестьяне могли себе позволить кулачные бои или подобные забавы лишь по несчастным праздникам, для дворян же вся жизнь была праздником, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кстати, немаловажно, что дворяне могли себе позволить не сдерживать свою агрессию, отсюда – бесчисленные истязания крепостных.

Если же мы обратимся к реалиям сегодняшнего дня, то увидим, что те же самые агрессивные склонности во всей красе проявляются и у современной молодежи. Причем это, как правило, связано с избытком свободного времени. Поэтому позволим себе усомниться в безусловной ценности досуга для развития человеческой личности – загаженные подъезды и исписанные стены вряд ли можно отнести к высшим проявлениям человеческого духа.

«Сексуальная революция» XX в. также уходит корнями в пресловутую культуру досуга. «“Взрыв” чувственности принимал такие масштабы, что нередко даже масонские ложи, целью которых было культивирование духовных ценностей, трансформировались не только в политические клубы, но и в дома свиданий... Разложение характерных для допетровской Руси семейных устоев в дворянской среде действительно имело место... Некоторые дворяне имели целые гаремы» (с. 266–268). Автор подчеркивает неразрывную связь «повреждения нравов» с развитием индивидуальности, оправдывая это наступлением последующего периода «цветущей сложности», давшего отечественной культуре великих писателей и ученых (с. 272). Но мы думаем, что взаимосвязь здесь не прямая, а обратная: «золотой век» русской культуры наступил именно тогда, когда дворянские вольности были существенно ограничены (с начала XIX в.), и тем самым энергия «человека играющего» была направлена на созидательную деятельность. В современных же российских условиях надеяться на установление в обозримом будущем «цветущей сложности», увы, не приходится.

Широко распространившиеся среди дворянства эпидемия азартных игр и настроения мистицизма – это явление того же порядка, что и современная «новая религиозность». Упадок традиционных религий приводит к тому, что происходит сакрализация досуга, а недовольство настоящим – к романтизации прошлого. Подробно проанализировав эти процессы, автор делает чрезвычайно важный, на наш взгляд, вывод: «...культивирование магических словес сознания не способствовало духу экономической полезности и производительной целесообразности или набирающему в мировой истории силу духу цивилизации» (с. 279), отсюда и дворянская непрактичность. Интерес наших современников к различным эзотерическим учениям и практикам вроде бы также не способствует экономической полезнос-

ти, но никуда не исчезает. В чем тут дело? Благодаря концепции Н.А. Хренова можно дать ответ: в число ценностей досуга утилитаризм не входит, а вот мистицизм – это весьма увлекательная игра. Правда, определенный уровень материального благосостояния все же необходим, чтобы культивировать эти самые досуговые ценности, но сегодня это могут позволить себе многие. Поэтому, если есть досуг, будут иметь место и различного рода (квази) религиозные движения – это неотъемлемый элемент «открытого» общества.

Замечательные строки посвятил Н.А. Хренов пирам и угощениям, справедливо рассматриваемым им не только как игра, но и как ритуал. «Все дело в том, что застолье не просто способ выключать человека из повседневного времени и погружать его в особую атмосферу эмоционального подъема... Застолье – это контакт со сверхчувственным миром... Несомненно, застолье – сакральная акция» (с. 196). Кстати, здесь сложно провести четкую грань не только между народными и дворянскими традициями застолья, но и современной российской культурой вкушения пищи. Наблюдение автора о том, что «продовольственный “бум” сопровождает всякое возникновение “открытой” культуры и характеризует переходные эпохи» (с. 208), вообще могло бы послужить предпосылкой для отдельного исследования.

Весьма подробно рассматривает автор процессы институционализации досуговых ценностей, вскрывая механизмы формирования дворянской субкультуры. Ведущую роль здесь играли разнообразные «храмы праздности» – масонские ложи, клубы, салоны, кружки. Это способствовало обособлению дворянства от других слоев общества и образованию того, что мы теперь называем элитой. При этом «обособление дворянства соответствовало дифференциации культуры, но из интеграционных ее процессов дворянство не было выключено» (с. 316). К тому же сохранившиеся формы досуга (например, народные гуляния) поддерживали единство всего общества. Причем московское дворянство было более традиционно настроено по сравнению с петербургским.

Важную роль, как показывает Н.А. Хренов, играли дворяне в процессах становления русской литературы и науки. Так, профессиональная литературная деятельность вторична по отношению к занятиям оной на досуге. Автор сопоставляет Л. Толстого и Ф. Достоевского: «Как представитель аристократии Л. Толстой стыдился литературы, презирал ее, отождествляя ее скорее с мещанской, нежели благородной деятельностью, тем самым демонстрируя установку целого сословия, презирающего любую профессиональную деятельность... Другой вариант писателя – Ф. Достоевский, для которого литература – единственное средство существования. Его жизнь всецело зависит от гонорара, а следовательно, от издателя» (с. 352). Но появление писателей-профессионалов было бы невозможным без предшествующего периода любительского литературного творчест-

ва, прежде всего в дворянской среде. Похожие процессы наблюдались и в науке: страсть дворян к коллекционированию различного рода диковинок (вспомним знаменитую петровскую кунсткамеру) отчасти способствовала развитию научного инстинкта. Но поскольку звание дворянина не могло иметь ничего общего с утилитарной деятельностью, для аристократа наука представляла ценность лишь в своем игровом значении (с. 365–366). Во всяком случае научно-техническую революцию совершили явно не дворяне.

Начиная «со второй половины XIX в. тенденция, в соответствии с которой не трудятся, чтобы жить, а живут, чтобы трудиться, преодолевается и сменяется новой, развивающейся в направлении культя жизни, а не труда, культя спонтанности и свободы, а не необходимости и несвободы...» (с. 445). Дворянские, элитарные досуговые ценности сменяются массовыми, но «история массового досуга – это история досуга в его городских формах» (там же), поскольку капиталистические отношения развивались прежде всего в городах. Массовизация досуга и культуры приводит к довольно противоречивым результатам, о чем писал еще Х. Ортега-и-Гассет: приход масс приводит к приливу оптимизма, но также и к усреднению человека, к углублению процессов специализации. Эрудированные и широко образованные аристократы становились достоянием истории, но их досуговые ценности присваивали себе массы. Само же дворянство переживало глубокий кризис: «С представителя благородного сословия постепенно сходил внешний лоск, и он опускался на один уровень с правонарушителем из низов» (с. 479), т. е. архаические инстинкты соперничества и драчливости уравнивали аристократию и чернь. По мнению Н.А. Хренова, иррационализм сознания дворян помог некоторым из них найти себя в биржевых играх. Хотя это, на наш взгляд, не вполне согласуется с упоминавшейся дворянской непрактичностью, тем не менее дворяне занимались профессиональной игрой ради наживы.

Впрочем, оставим дворян в покое, в XX в. им и так пришлось нелегко. Перейдем к досугу наших дней. «Исключительной культуру XX в. делает то обстоятельство, что она вернула человечество к более архаическим игровым формам, вызванным к жизни до Нового времени» (с. 556). Автор ссылается на исследования М. Бахтина, П. Сорокина и ряда других исследователей, показывая, что грядущая культура будет «интегральной», т. е. в нее будет включена и архаика. Постмодернистские игры лишь первые робкие вестники наступающей новой эпохи.

Н.А. Хренов на протяжении всей книги неоднократно обращается к представлению досуга в свете двух противоположных тенденций – духовной (культурной) и материальной (цивилизационной). Мы думаем, в этом одновременно его и сильная, и слабая сторона. Сильная – потому что позволяет

разграничить утилитарную деятельность и игру, слабая – потому что такое разграничение во многом искусственно и не вполне отражает сложную реальность. Это признает и сам автор: «Практика показывает, как тот или иной вид серьезной деятельности может трансформироваться в игру, и, наоборот, занятие, имеющее индивидуальный смысл и являющееся по сути своей игрой, может стать основой для возникновения институционализированной деятельности» (с. 564). Но в любом случае мы полностью разделяем один из основных выводов Н.А. Хренова, согласно которому сегодня на фоне кризиса отечественной культуры повышается значимость цивилизационной стихии (с. 572). Можно по-разному оценивать эту ситуацию, но диагноз поставлен автором совершенно верный.

И в заключение – информация к размышлению. Нобелевскую премию в области экономики за 2005 г. Центральный банк Швеции присудил Роберту Ауманну и Томасу Шеллингу за вклад в изучение... теории игр. И хотя эти ученые не занимались культурологическими штудиями, а пытались математически изучить отдельные аспекты рыночной экономики и социальных отношений, сам факт присуждения премии (между прочим, \$1,29 млн на двоих) за такую, казалось бы, «несерьезную» тему говорит о том, что феномен игры действительно заслуживает серьезного изучения. И мы уверены, что будущие исследователи этого феномена не смогут пройти мимо фундаментальной монографии Н.А. Хренова, которая, надеемся, займет достойное место на их книжных полках.

Otium post negotium?

G.V. Ivanchenko

Ph.D. in Philosophy,

Head of the General Sociology Department at the State University "Higher School of Economics"

Yu. V. Ryzhov

Ph.D. in Sciences,

Associate professor at the State Pedagogical University of Taganrog

This detailed review of the book by N.A. Khrenov "The Playful Human in Russian Culture" focuses on the most interesting moments of the book. The author equals play with leisure, reviewing the latter from two points of view: spiritual (cultural) and material (civilizational). He considers leisure a specific cultural phenomenon that has its own history and certain socio-cultural functions. The aim of leisure activity is to develop human personality, whereas leisure provides conditions for freedom. The author analyzes cultural functions of leisure using Russian nobility of 18–19th centuries as an example. He also analyzes present-day leisure and shows that modern culture turns back to archaic forms of play that are typical of culture before the Modern period. N.A. Khrenov describes the processes of institutionalizing leisure values.

The authors of the review not only set forth N.A. Khrenov's position, but also dispute with him.

Keywords: culture, civilization, leisure, Russian nobility, freedom of personality.